

Кирчанов Максим Валерьевич

кандидат исторических наук,
преподаватель кафедры
международных отношений и регионоведения
Воронежского государственного университета
maksymkyrchanoff@gmail.com

**ЭТНИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ
В ГРУЗИНСКОЙ ССР:
ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ
РАЗВИТИЯ В 1950–1970-Е ГГ.**

Аннотация:

Национализм играл особую роль в жизни союзных республик в СССР. Грузинская ССР была среди наиболее национальных республик. Формой национализма были гуманитарные исследования. В Грузинской ССР национализм тесно сросся с политической лояльностью. Это привело к появлению в Грузии национального коммунизма.

Ключевые слова:

Грузинская ССР, грузинский национализм, грузинский язык, интеллектуалы, интеллектуальное сообщество, национальный коммунизм.

Kyrchanov Maxim Valerevich

Candidate of History,
lecturer of the chair of
international relations and regional studies,
Voronezh State University
maksymkyrchanoff@gmail.com

**ETHNIC NATIONALISM
IN GEORGIAN SSR:
PROBLEMS AND DIRECTION OF
DEVELOPMENT IN 1950-1970-IES**

The summary:

Nationalism played a special role in the life of the Union Republics in USSR. Georgian SSR was among the most national republics. The form of nationalism were humanitarian studies. In Georgian SSR nationalism closely merged with the political loyalty. This led to the emergence of national communism in Georgia.

Keywords:

Georgian SSR, Georgian nationalism, Georgian language, intellectuals, intellectual community, national communism.

Грузинская ССР, являясь союзной республикой, в полной мере испытывала на себе всю специфику политического режима Советского Союза, в том числе и в вопросах, связанных с политической лояльностью. В рамки политической лояльности, которая культивировалась в национальных республиках СССР, интегрировались и построения грузинских интеллектуалов, призванные служить делу укрепления не только национальной, но и политической идентичности и связанной с ней – политической лояльности. «История грузинской литературы. Краткий очерк», опубликованная на русском языке в 1952 г. и начинающаяся цитатой, открываемой словами «как учит товарищ Сталин» [1, с. 3], представляет собой яркий образчик научного творчества эпохи «высокого сталинизма». Издание 1952 г. представляет значительный интерес в контексте изучения того, как менялся и трансформировался грузинский интеллектуальный текст, как соотносились национальные и официальные тренды. При наличии некоторых национальных нарративов, связанных с борьбой грузин против иноземных захватчиков, заметен значительный официальный тренд, связанный с образом Сталина.

В частности, раздел, посвященный творчеству Руставели, сопровождается иллюстрацией, названной «Молодой И.В. Сталин читает Шота Руставели» [2, с. 43]. Чтобы у читателей не было сомнения, что в руках Сталина книга именно Руставели, на открытой странице (примерно в середине книги, судя по рисунку), угадывается портрет Руставели, похожий на иллюстрацию размещенную до несколько страниц до портрета читающего Сталина. Кроме этого, раздел, посвященный Руставели, содержит и цитату из Сталина относительно развития языка [3, с. 44]. Примечательно и то, что раздел завершается цитатой из А.А. Жданова, посвященной борьбе с «безродными космополитами» [4, с. 45]. Спустя почти десять лет из исследований, посвященных грузинской литературе, исчезают так называемые сталинские нарративы. На смену им пришла констатация того, что «культ личности породил в литературе художественно беспомощный стиль панегеризма» [5, с. 125]. Для грузинского литературоведения анализируемого периода характерен значительный националистический тренд, связанный с примордиализмом и, соответственно, грузинским национализмом, хотя национальные симпатии некоторых грузинских гуманитариев «не могли поколебать силу официального дискурса» [6, с. 364], в рамках которого национализм не приветствовался. Для грузинских интеллектуалов литературы была важным элементом национальной идентичности и почти внеисторическим феноменом. В частности, Ф. Бегиашвили (ბეგიაშვილი) в конце 1940-х гг. подчеркивал, что история грузинской литературы не только имеет «многовековую давность», но и, несмотря на «опустошительные войны и разорение страны» негрузинами грузинская литература и грузинский язык сохранились.

Грузинские интеллектуалы часто акцентировали внимание на необычайной древности и устойчивости грузинской литературы в контексте других литератур Советского Союза, утверждая вместе с тем дихотомию «грузинская литература / грузинский язык» [7, с. 5]. Ф. Бегиашвили подчеркивал и внеисторичность грузинского языка, акцентируя внимания на его особой роли в развитии грузинской идентичности. По мнению Ф. Бегиашвили особая роль грузинского языка была осознана в средневековой Грузии, что проявилось в развитии особой теории, сторонники которой утверждали, что «страшный суд во время второго пришествия будет вестись на грузинском языке» [8, с. 85]. Основные вызовы и угрозы грузинской идентичности, по мнению Ф. Бегиашвили, имели внешний характер, исходя от врагов Грузии. Авторы русскоязычного краткого очерка «Истории грузинской литературы» (1952) культивировали нарратив о том, что «на протяжении веков грузинскому народу приходилось самоотверженно отстаивать свою жизнь и свободу от многочисленных иноземных завоевателей» [9, с. 3]. Ф. Бегиашвили, придаваясь национальному вообожанию и формируя образ «другого» [10; 11], полагал, что основными историческими противниками Грузии, которые стремились разрушить грузинскую идентичность, уничтожив язык, были персы, арабы и турки. В первой половине 1950-х гг. они открыто именовались исследователями «ненавистными иноземными завоевателями» [12, с. 4].

Первыми историческими противниками, как полагал Ф. Бегиашвили, были персы. В этом контексте он писал о позитивной роли христианства, как основе национальной идентичности. Христианство анализировалось как важнейший фактор, способствовавший интеграции грузин и их сохранению как отдельного сообщества. Ф. Бегиашвили в персидской политике в отношении грузин видел угрозу ассимиляции, утверждая, что «принятие персидского огнепоклонства вызвало бы ассимиляцию и национальное ослабление». Полагая, что военные конфликты грузин с персами порой перерастали в «религиозные войны» [13, с. 42, 45]. В то время когда интеллектуалы других национальных республик СССР были вынуждены в процессе написания национальных историй всячески занижать роль религиозного фактора, грузинские авторы (и, вероятно, их армянские коллеги), наоборот, акцентировали внимание на его позитивной роли. В ряде случаев текст исследований Ф. Бегиашвили не совсем интегрируется в советский политический канон. Комментируя, например, борьбу с персами, он писал, что грузинская литература того времени культивировала идеи «укрепления христианской морали» и готовности верующих «отдать жизнь во имя христианства». Ф. Бегиашвили позволял себе и более радикальные заявления, утверждая, что «проповедь христианства являлась национальным делом в борьбе против персов» [14, с. 44].

В кратком очерке «Истории грузинской литературы» в отношении христианства доминируют абсолютно отличные идеи. В частности, А.Г. Барамидзе (ბარამიძე) акцентировал внимание на классовом характере христианства, предпочитая писать не о его прогрессивной роли в деле национальной консолидации, но о «безраздельном господстве церкви и церковно-религиозной идеологии». Сама церковь в этом контексте определялась не иначе как «порождение феодального строя» [15, с. 25]. Именно антиперсидские настроения среди грузинской аристократии, по мнению грузинских авторов конца 1940-х гг., способствовали тому, что в Грузии начинает формироваться национальное самосознание. Таким образом, Ф. Бегиашвили не только формировал образ врага, но и сознательно выстраивал особую грузинскую идентичность, делая ее более древней и акцентируя внимание на той важной роли, которую в ее функционировании играли религиозные тренды. Ф. Бегиашвили создает в своих исследованиях и крайне непривлекательный образ арабов: «карабы самовластно хозяйничали в стране, попирали национальную самобытность, всячески старались свести ее на нет, принуждая грузин отрекаться от христианской веры и изменить народным традициям». Ф. Бегиашвили полагал, что арабы сыграли крайне негативную роль, пытаясь распространить ислам [16, с. 48, 50], а турки виновны в отторжении от Грузии «лучшей ее провинции» – Тао-Кларджети. В «Истории грузинской литературы» (1952) турок обвиняли и в том, что они, захватив Константинополь, способствовали разрыву Грузии с Западом [17, с. 46]. Создавая негативный образ турка, Ф. Бегиашвили писал, что османы «подвергали монастыри осквернению и полному разорению», а также «насильственно заставляли население принимать магометанство» [18, с. 24]. В начале 1950-х гг. политика персов и турок в Грузии не определялась иначе как «дикий произвол» [19, с. 47, 56]. Нарративы, связанные с описанием врага, в грузинском литературоведном тексте конца 1940-х – начала 1950-х гг. менялись.

Если Ф. Бегиашвили писал просто о врагах, то авторы краткого очерка «Истории грузинской литературы» пренебрежительно писали об «ордах» и «полчищах» [20, с. 11] мусульманских завоевателей. В этом контексте для концепции Ф. Бегиашвили характерен устойчивый антиисламский нарратив и попытки конструирования неаттрактивного образа чужого [21], в данном случае – мусульманина. Если в конце 1940-х гг., по мнению Ф. Бегиашвили, основные вызовы грузинской культуре в Средние века исходили именно с исламского Востока, то в начале 1950-х гг. грузинские интеллектуалы, видимо подчеркивая свою лояльность, расширили список исторических про-

тивников Грузии, констатируя, что «во имя сохранения своей народности и культуры грузинским племенам приходилось героически выдерживать натиск иноземных поработителей с *Востока и Запада* (курсив наш – М.К.)» [22, с. 10]. По мнению Ф. Бегиашвили, грузинский язык отличался столь значительной устойчивостью и связью между литературной и разговорной нормой, что современный для него грузин «почти свободно ориентируется в литературном языке XII века» [23, с. 13]. В этом контексте он противопоставлял грузинской литературе армянские и греческие литературные традиции, полагая, что грузинская культура не знает радикального разрыва между древностью и современностью. В этом заметны элементы характерного для концепции Ф. Бегиашвили, примордиализма. Нарратив, предлагаемый Ф. Бегиашвили не ограничивался исключительно примордиализмом. По мнению Ф. Бегиашвили, грузинская средневековая культура была органической частью не просто христианской цивилизации, но и была неотъемлемым участником культурных процессов в Византии и на католическом Западе [24, с. 16–17].

С другой стороны, четкой границы между культурой восточного и западного христианства Ф. Бегиашвили не проводилось, что было вызвано стремлением вписать грузинскую культурную традицию в европейский контекст. Спустя три года грузинские интеллектуалы предлагали принципиально иное прочтение истории грузинской литературы: связи с Западом для них не играли основной роли в виду значительной важности социального компонента в грузинской литературе. Именно поэтому в издании «Истории грузинской литературы» 1952 г. авторы предпочитали писать о неразрывной связи литературы с освободительной и классово-борьбой, о социальной сознательности грузинских писателей прошлого [25, с. 4]. Вписывая грузинскую историю в европейский контекст, Ф. Бегиашвили стремился показать, что социальные процессы на территории средневековой Грузии были идентичны тем, что протекали на европейском Западе. Бегиашвили исходил из того, что грузинский феодализм имел много общего с феодализмом европейского Запада, что, в частности, проявилось в развитии отношений вассалитета. Социальную историю Ф. Бегиашвили также был склонен сближать с историей Запада, полагая, что в средневековой Грузии возникло и рыцарское сословие, которое «во многих отношениях сходно с западно-европейским» [26, с. 83].

В обмен на культивирование национально ориентированных нарративов грузинские интеллектуалы были вынуждены проявлять лояльность режиму. Сферой проявления этой лояльности было изучение истории советской грузинской литературы. В Грузинской ССР грузинская литература воспринималась как именно национальная литература национальной республики: «развитие грузинской советской литературы происходит на самобытной национальной почве. Оно отразило и отражает своеобразие Советской Грузии» [27, с. 7]. С другой стороны, особое внимание уделялось развитию идеи национального континуитета и прямой преемственности между различными этапами в истории грузинской литературы, в чем просматривался грузинский национализм, и хотя в Советском Союзе 1950-х гг. национальные и националистические настроения не приветствовались и пресекались, грузинские исследователи настаивали на том, что грузинская советская литература является лишь одним из этапов в многовековом развитии литературы [28, с. 7]. Грузинские авторы предпочитали акцентировать внимание на уникальности грузинского литературного процесса, пытаясь таким образом укреплять и стимулировать грузинскую национальную идентичность, точнее – ее официальный советский дискурс. В начале 1950-х гг., демонстрируя свою лояльность, грузинские интеллектуалы подчеркивали, что советская литература в Грузии является не просто часть многонациональной советской литературы, но и одной из наиболее динамично развивающихся литератур. В связи с этим декларировалось, что «расцвет и неуклонный рост грузинской советской литературы – яркое проявление мудрой ленинско-сталинской национальной политики большевистской партии» [29, с. 245].

В рамках советского канона изучения литературы Грузинской ССР было принято акцентировать внимание на том, что «советская литература расцвела под мудрым руководством Коммунистической партии, постоянно проявляющей к ней огромное внимание» [30, с. 6]. Изучение истории советской литературы было одним из поводов подчеркнуть лояльность в виду того, что позволяло критиковать те литературные тренды и направления, которые не вписывались в официальный культурный и идеологический канон. В частности, в «Истории грузинской литературы» (1952) особое внимание было уделено К. Гамсахурдиа, И. Гришашвили и П. Ингорокве не как крупным авторам, но как консерваторам, которые выражали «националистические устремления остатков реакционных классов» [31, с. 251]. Спустя несколько лет отношение к ним среди грузинских интеллектуалов в условиях некоторого ослабления цензуры и начавшейся реабилитации, постепенно меняется. Относительно К. Гамсахурдиа признается, что писатель отличается ярким и бесспорным талантом, хотя и констатировалось и то, что в определенные периоды своей деятельности он «с трудом преодолевал груз прошлого» [32, с. 110]. Кроме этого, было признано, что И. Гришашвили является самобытным автором и оригинальным исследователем,

хотя и ему в вину вменялось то, что он «не сразу пришел к полному и ясному пониманию советской действительности» [33, с. 133]. Но и в начале 1960-х гг. грузинские интеллектуалы были вынуждены констатировать, что «партия сурово поправляла каждого, кто отходил от магистрального пути развития советской литературы» [34, с. 6].

Анализируя деятельность упомянутых авторов, принадлежавших к академизму, а также группы «Голубые роги», грузинские исследователи начала 1950-х гг. предпочли сослаться на авторитет Л. Берии. Дважды процитировав его выступления, посвященные критике «буржуазно-декадентской литературы» [35, с. 251]. Спустя почти десять лет, работы и выступления Л. Берии уже не цитировались, хотя и признавалось, что появление группы «Голубые роги» стало проявлением «загнивания буржуазной культуры» [36, с. 22]. С другой стороны, предполагалась и то, что советская грузинская литература в целом далека от «глубокого и полного отображения великой Сталинской эпохи» [37, с. 272]. В отношении республик советского Закавказья и Прибалтики, вероятно, наиболее важным фактором, который играл значительную роль при определении идентичности и отделении / отдалении местных интеллектуалов от русской интеллигенции был национальный язык [38; 39; 40; 41]. Именно язык был одним из наиболее важных элементов национального воображения и националистической мобилизации, который гарантировал успешное функционирование упомянутых выше трендов в рамках грузинского политического текста. Конституции союзных республик содержали отдельные статьи о национальных языках, но только Конституция Грузинской ССР декларировала статус грузинского языка как государственного на территории всей республики. В советский период грузинская интеллигенция, в отличие от интеллигенций других республик, созданных по национальному признаку, не только усиленно и активно защищала статус и права грузинского языка, но и сохранила грузинскую графику в то время, когда некоторые другие нации пожертвовали сначала арабским письмом, а позднее и латиницей, замененной кириллицей. Грузинский язык, который и в советский период применял свою оригинальную графику, был важным средством поддержания и культивирования национальной идентичности [42]. Язык и алфавит играли вместе с тем и роль национально консолидирующих факторов [43; 44]. Грузины, жители Грузинской ССР, которые владели грузинским языком, имели гораздо больше шансов быть воспринятыми своими, чем выходцы из других республик, для которых основным языком общения нередко был русский. Это вовсе не означало того, что Грузия была закрыта для мигрантов из других союзных республик – советская миграционная политика, наоборот, способствовала некоторому притоку русскоязычного населения в национальные республики, что обличалось в идеи «дружбы народов» и «интернационализма».

С другой стороны, Грузинская ССР, например, в отличие от Украинской, Белорусской и Молдавской, имела ярко выраженные национальные особенности, которые отличали ее от других союзных республик, проявляясь, в том числе, и в языке [45; 46]. Но подобно тому, как в прибалтийских республиках, обладавших значительной спецификой, русские до распада СССР не проявляли особой заинтересованности в изучении местных языков, в Грузинской ССР они в своем большинстве не декларировали никакой готовности изучать грузинский язык. Не исключено, что именно то, что отпугивало русских (грузинский алфавит, который радикально отличался для знакомой и понятной для русских кириллицы) было одним из условий национальной консолидации, что позволяло грузинским интеллектуалам осознавать свою уникальность и идентичность, противопоставляя себя другим национальным интеллигенциям. Тем не менее перед грузинской интеллигенцией в Грузинской ССР, которая отличалась значительной степенью развития и проявления национальной идентичности, стояла задача приобщения к грузинской культуре периодически пребывающих в союзную республику негрузин. Значительная часть негрузин имела русское (или славянское) происхождение, позиционируя в качестве языка общения русский. Приобщение к грузинской культуре происходило, в первую очередь, через изучение грузинского языка в силу того, что для грузинской интеллигенции была характерна весьма устойчивая традиция соотносить идентичность именно с языком.

Задачу приобщения новых жителей Грузинской ССР к грузинскому языку были призваны решить не только доминирование надписей и вывесок на грузинском языке, численное преобладание грузин среди сотрудников советских предприятий и учреждений, но и учебники русского языка, которые делились на две категории. Первая категория представлена учебниками, по которым в школах Грузинской ССР учились дети, которые говорили на грузинском языке. В значительной степени эти учебники играли роль идентичную учебникам русского языка в большинстве школ РСФСР. Вторая категория была представлена учебниками, предназначенными специально для негрузин – лиц, которые не владели грузинским языком. Фактор языка показателен в контексте развития национализма. Грузинский язык играл значительную роль в реализации той модели модернизации, которая была возможна в рамках советского авторитарного режима. С другой стороны, учебники грузинского языка для негрузин Давида Джавахии [47] и Г.И. Циба-

хашвили, предназначенные для лиц владеющих русским языком, несли значительную идеологическую нагрузку, предлагая их потребителям определенные варианты восприятия политической и социальной действительности, в том числе, связанной с функционированием националистического дискурса. Эти тексты демонстрируют то, как грузинский язык использовался для легитимации политических процессов, являясь, с другой стороны, средством национальной мобилизации и консолидации.

Грузинские интеллектуалы уделяли значительное внимание грузинскому языку, который в рамках политического и культурного текста Грузинской ССР позиционировался как важнейший фактор, определяющий национальную идентичность [48]. Языковой национализм был характерен для значительной части грузинского интеллектуального сообщества, в частности – для известного в Грузинской ССР историка и лингвиста Ш. Дзидзигури. В своей книге Ш. Дзидзигури предпослал эпиграф из Н. Марра: «Грузинским языком выражается все, что только можно выразить... грузинский язык настолько богат, что по своим свойствам является языком мирового значения» [49, с. 3]. Акцентируя внимание на древности грузинского языка, грузинские национально ориентированные интеллектуалы указывали на то, что именно данные языка указывают на то, что предки грузин поддерживали контакты с «древними шумерами, хеттами, хурритами, урартийцами» [50, с. 5]. По мнению Ш. Дзидзигури, грузинский язык исторически и генетически связан с другими языками мира: «грузинский язык корнями уходит в глубокую древность Ближнего Востока, являясь одним из языков его древней цивилизации... контакты и генетические взаимосвязи грузинского языка с языками творцов архаической цивилизации красноречиво говорят о широком участии предков грузинского народа в формировании этнологических типов древнего мира» [51, с. 5].

Подобные процессы свидетельствуют не только о том, что национальная грузинская идентичность в Грузинской ССР отличалась устойчивостью и стабильностью. Ее развитию, укреплению и воспроизводству способствовали национально ориентированные интеллектуалы, которые занимались изучением грузинской истории, языка и литературы. Интерес со стороны интеллектуального сообщества именно к этой проблематике привел к значительной консолидации грузинской национальной интеллигенции, которая постепенно наряду с культурными лозунгами начинала выдвигать и политические требования.

Ссылки:

1. Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти В. История грузинской литературы. Краткий очерк. М., 1952.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Чилая С. Очерки истории грузинской советской литературы / пер. с грузинского Б. Абуладзе, В. Татишвили. Тбилиси, 1960.
6. Цвиклински С. Татаризм vs болгаризм: «первый спор» в татарской историографии // Ab Imperio. 2003. № 2.
7. Бегиашвили Ф. История древнегрузинской литературы V–XII веков. Тбилиси, 1949.
8. Там же.
9. Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти В. Указ. соч.
10. Бозтемур Р. Национализъмът и другият – създаването на нация и национална държава на Балканите. URL: <http://www.ilit.bas.bg/bi/bostemur.html>
11. Detrez R. The Bulgarian National Movement in the light of Miroslav Hroch analysis of national revival in Europe. URL: http://cf.hum.uva.nl/natlearn/balkan/athens_detrez.html#1
12. Бегиашвили Ф. Указ. соч.
13. Там же.
14. Там же.
15. Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти В. Указ. соч.
16. Бегиашвили Ф. Указ. соч.
17. Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти В. Указ. соч.
18. Бегиашвили Ф. Указ. соч.
19. Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти В. Указ. соч.
20. Бегиашвили Ф. Указ. соч.
21. Представата за «Другия; на Балканите: сборник на докладите от интердисциплинарна конференция, София, 1992 г. / ред. кол. Надя Данова, В. Димова, М. Калицин. София, 1995.
22. Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти В. Указ. соч.
23. Бегиашвили Ф. Указ. соч.
24. Там же.

References (transliterated):

1. Baramidze A., Radiani S., Zhgenti V. Istoriya gruzinskoy literatury. Kratkiy ocherk. M., 1952.
2. Ibid.
3. Ibid.
4. Ibid.
5. Chilaya S. Ocherki istorii gruzinskoy sovet-skoy literatury / per. s gruzinskogo B. Abuladze, V. Tatisvili. Tbilisi, 1960.
6. Tsviklinski S. Tatarizm vs bulgarizm: «perviy spor» v tatarskoy istoriografii // Ab Imperio. 2003. No. 2.
7. Begiashvili F. Istoriya drevnegruzinskoy literatury V–XII vekov. Tbilisi, 1949.
8. Ibid.
9. Baramidze A., Radiani SH., Zhgenti V. Op. cit.
10. Boztemur R. Natsionalizmt i drugiyat – szdavaneto na natsiya i natsionalna drzhava na Balkanite. URL: <http://www.ilit.bas.bg/bi/bostemur.html>
11. Detrez R. The Bulgarian National Movement in the light of Miroslav Hroch analysis of national revival in Europe. URL: http://cf.hum.uva.nl/natlearn/balkan/athens_detrez.html#1
12. Begiashvili F. Op. cit.
13. Ibid.
14. Ibid.
15. Baramidze A., Radiani S., Zhgenti V. Op. cit.
16. Begiashvili F. Op. cit.
17. Baramidze A., Radiani S., Zhgenti V. Op. cit.
18. Begiashvili F. Op. cit.
19. Baramidze A., Radiani S., Zhgenti V. Op. cit.
20. Begiashvili F. Op. cit.
21. Predstavata za «Drugiya; na Balkanite: sbornik na dokladite ot interdistsiplinarna konferentsiya, Sofiya, 1992 g. / ed. board Nadya Danova, V. Dimova, M. Kalitsin. Sofiya, 1995.
22. Baramidze A., Radiani SH., Zhgenti V. Op. cit.
23. Begiashvili F. Op. cit.
24. Ibid.

25. Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти В. Указ. соч.
26. Бегиашвили Ф. Указ. соч.
27. Чилая С. Указ. соч.
28. Там же.
29. Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти В. Указ. соч.
30. Чилая С. Указ. соч.
31. Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти В. Указ. соч.
32. Чилая С. Указ. соч.
33. Там же.
34. Там же.
35. Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти В. Указ. соч.
36. Чилая С. Указ. соч.
37. Барамидзе А., Радиани Ш., Жгенти В. Указ. соч.
38. Хобсбом Е. Нации и национализм от 1780 до днес: Програма, мит, реалност / прев. от англ. М. Пипева и Е. Георгиев. София, 1996.
39. Brennan G. Language and Nationality: the role of police toward Geltic language in the consolidation of Tudor Power // NN. 2001. Vol. 7. № 3. P. 317–338.
40. Fishman J. Language and Nationalism. Rowley, 1973.
41. Kamusella T. Language as an Instrument of Nationalism in Central Europe / T. Kamusella // NN. 2001. Vol. 7. № 2. P. 235–251.
42. Jones St. The Georgian language state program and its implications // NP. 1995. Vol. 23. № 3. P. 535–548.
43. Хрох М. Язык как инструмент гражданского равенства // АИ. 2005. № 3. С. 21–34.
44. Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge, 1991 ; Hroch M. The Social Interpretation of Linguistic Demands in European National 12. Movements. Florence, 1994.
45. Hroch M. How much does nation formation depend on Nationalism? // East European Politics and Societies. 1990. Vol. 4. № 1. P. 101–115.
46. Hroch M. Linguistic Programme, Romanticism and Nationalism (The Czech Case) // History of European Ideas. 1993. Vol. 16. № 1. P. 293–298.
47. Джавахия Д.А. Учебник грузинского языка для негрузин. Краткий курс. Тбилиси, 1965.
48. Jones St. The Georgian language state program and its implications // NP. 1995. Vol. 23. № 3. P. 535–548.
49. Дзидзигури Ш. Грузинский язык. Краткий обзор. Тбилиси, 1968.
50. Там же.
51. Там же.
25. Baramidze A., Radiani S., Zhgenti V. Op. cit.
26. Begiashvili F. Op. cit.
27. Chilaya S. Op. cit.
28. Ibid.
29. Baramidze A., Radiani S., Zhgenti V. Op. cit.
30. Chilaya S. Op. cit.
31. Baramidze A., Radiani S., Zhgenti V. Op. cit.
32. Chilaya S. Op. cit.
33. Ibid.
34. Ibid.
35. Baramidze A., Radiani S., Zhgenti V. Op. cit.
36. Chilaya S. Op. cit.
37. Baramidze A., Radiani S., Zhgenti V. Op. cit.
38. Hobsbom E. Natsii i natsionalizm ot 1780 do dnes: Programa, mit, realnost / transl. from eng. M. Pipeva and E. Georgiev. Sofiya, 1996.
39. Brennan G. Language and Nationality: the role of police toward Geltic language in the consolidation of Tudor Power // NN. 2001. Vol. 7. No. 3. P. 317–338.
40. Fishman J. Language and Nationalism. Rowley, 1973.
41. Kamusella T. Language as an Instrument of Nationalism in Central Europe / T. Kamusella // NN. 2001. Vol. 7. No. 2. P. 235–251.
42. Jones St. The Georgian language state program and its implications // NP. 1995. Vol. 23. No. 3. P. 535–548.
43. Hroh M. Yazyk kak instrument grazhdanskogo ravenstva // AI. 2005. No. 3. P. 21–34.
44. Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge, 1991 ; Hroch M. The Social Interpretation of Linguistic Demands in European National 12. Movements. Florence, 1994.
45. Hroch M. How much does nation formation depend on Nationalism? // East European Politics and Societies. 1990. Vol. 4. No. 1. P. 101–115.
46. Hroch M. Linguistic Programme, Romanticism and Nationalism (The Czech Case) // History of European Ideas. 1993. Vol. 16. No. 1. P. 293–298.
47. Dzhavahiya D.A. Uchebnik gruzinskogo yazyka dlya negruzin. Kratkiy kurs. Tbilisi, 1965.
48. Jones St. The Georgian language state program and its implications // NP. 1995. Vol. 23. No. 3. P. 535–548.
49. Dzidziguri SH. Gruzinskiy yazyk. Kratkiy obzor. Tbilisi, 1968.
50. Ibid.
51. Ibid.